

Мороз, Красный нос

Автор:

Николай Некрасов

Мороз, Красный нос

Николай Алексеевич Некрасов

«Ты опять упрекнула меня,

Что я с Музой моей раздружился,

Что заботам текущего дня

И забавам его подчинился.

Для житейских расчетов и чар

Не расстался б я с Музой моею,

Но бог весть, не погас ли тот дар,

Что, бывало, дружил меня с нею?..»

Николай Некрасов

Мороз, Красный нос

* * *

Посвящаю моей сестре Анне Алексеевне

Ты опять упрекнула меня,
Что я с Музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с Музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалось сердце с печали
И на чью они грудь упали свинцом
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло, – я устал...

Пусть я не был бойцом без упрёка,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь – мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмирившую Музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя – и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воеет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листья
В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...

Чу! как крупные градины скачут!

Милый друг, поняла ты давно —

Здесь одни только камни не плачут...

.....

Часть первая

Смерть крестьянина

I

Савраска увяз в половине сугроба —

Две пары промерзлых лаптей

Да угол рогожей покрытого гроба

Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах

Савраску сошла понукать.

Сосульки у ней на ресницах,

С морозу – должно полагать.

II

Привычная дума поэта

Вперед забежать ей спешит:

Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,
В избушке – теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иглой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

III

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая – быть матерью сына раба,
А третья – до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали – все к счастью стремилось,
Все в мире по несколько раз изменилось,
Одну только Бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал

Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!

Ты глухо, незримо страдала,

Ты свету кровавой борьбы

И жалоб своих не вверяла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!

Ты с детства со мною знакома.

Ты вся - воплощенный испуг,

Ты вся - вековая истома!

Тот сердца в груди не носил,

Кто слез над тобою не лил!

IV

Однако же речь о крестьянке

Затеяли мы, чтоб сказать,

Что тип величавой славянки

Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях

С спокойною важностью лиц,

С красивою силой в движеньях,

С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,

А зрячий о них говорит:

«Пройдет – словно солнце осветит!

Посмотрит – рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,

Какой весь народ наш идет,

Но грязь обстановки убогой

К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,

Румяна, стройна, высока,

Во всякой одежде красива,

Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,

Всегда терпелива, ровна...

Я видывал, как она косит:

Что взмах – то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,

Того гляди косы падут.

Какой-то парнек изловчился

И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы

Упали на смуглую грудь,

Покрыли ей ноженьки босы,

Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.

Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде - не сробеет, - спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка

Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогий —

Вольно ж без работы гулять!

Лежит на ней дельности строгой

И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознание,

Что все их спасенье в труде,

И труд ей несет воздаянье:

Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,

Хлеб выпечен, вкусен квасок,

Здоровы и сыты ребята,

На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне

Пред всею семьей впереди:

Сидит, как на стуле, двухлетний

Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына

Нарядная матка ведет...

И по сердцу эта картина

Всем любящим русский народ!

И ты красотой дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты – ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои...

VI

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;
Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —
Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снега кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась...

Могилы на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!»

(У старого вырвалось слово)

«Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» Старик оступился,

Из рук его выскользнул лом

И в белую яму скатился,

Старик его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...

Нет солнца, луна не взошла...

Как будто весь мир умирает:

Затишье, снежок, полумгла...

VII

В овраге, у речки Желтухи,

Старик свою бабу нагнал

И тихо спросил у старухи:

«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали

В ответ старику: – Ничего. —

Потом они оба молчали,

И дровни так тихо бежали,

Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,

А близко – мелькает огонь.

Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —
Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,
Потом помычал сердобольно,
Вздыхнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно,
И ваша пришла череда!

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван шивала —
Всем разом работу вам дал!..»

Опять помычал - и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

VIII

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Зазябнувших Машу и Гришу
И стали сынка обрядать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!

Уснул, поработав земле!

Лежит, непричастный заботе,

На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровой,

С горящей свечой в головах,

В широкой рубахе холщовой

И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями руки,

Подъявшие много труда,

Красивое, чуждое муки

Лицо – и до рук борода...

IX

Пока мертвеца обряжали,

Не выдали словом тоски

И только глядеть избегали

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nekrasov_nikolay/moroz-krasnyy-nos

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)